

Никита Константинович
Коваль

**Сборник
рассказов**

Бинокль

Никита Константинович Коваль

Сборник рассказов. Бинокль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23686385

ISBN 9785448501258

Аннотация

Прочувствуйте жизнь во всех деталях. Попробуйте убрать стереотипное восприятие, и шаблонный мир покажет вам другую сторону. Сделано душой, обработано разумом – вот принцип моей работы.

Содержание

Сборник рассказов «Бинокль»	5
«Эхо»	5
Глава 1	5
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сборник рассказов Бинокль

**Никита
Константинович Коваль**

© Никита Константинович Коваль, 2017

ISBN 978-5-4485-0125-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сборник рассказов «Бинокль»

«Эхо»

Глава 1 Собачий пир

Представьте, что вы очень хотите спать, и это желание одолевает вас так, что вам приходится уснуть в любом положении, даже в самом неудобном. Ноги крест-накрест согнуты в коленях, одна рука под копчиком, другая, согнутая в локте, ладонью подпирает затылок. Вам наверняка время от времени снятся кошмары, и все мы понимаем, что эти кошмары бывают столь глубоки в своих изысканиях. Они словно затрагивают глубину наших потаённых страхов. Был ли это кошмар, просто сон или нечто другое, нам и предстоит разобраться.

Всем нам знакомо чувство, когда приходишь в гости к другу или родственнику, остаёшься у него ночевать, а наутро просыпаешься в незнакомом месте и первое мгновение пытаешься синхронизировать воспоминания с новой обстановкой. Наверное, подобное ощущение испытывает по утрам

солдат-новобранец в течение первого месяца службы. «Где я? Что происходит?» Но вот что я могу сказать точно: ни одно из этих потенциальных утренних ощущений никак не связать с ощущением, которое я чувствовал первые минуты, проведённые здесь.

Мои глаза открылись оттого, что темнота стала слишком пустой. Они нуждались в видимости объектов – я не увидел ни одного сна, пока спал (или, по крайней мере, не помню). Клубок пара не то чтобы растворился перед моим носом – он словно всосался в черноту воздуха, когда я проснулся. Первой мыслью, которая посетила мой встревоженный разум, было: «Я что, сплю на улице?». По всему телу пробежали мурашки, лишь только я почувствовал остроту камней, впившихся в мою спину. Мышцы чуть ниже левой лопатки находились в состоянии спазма – всему виной был камень, который своим острым концом продавил дырку в моём вязаном свитере. Ладонь находилась под копчиком и была придавлена тяжестью моего тела. Мелкие острые камешки впились в мою негрубую кожу. Перевернувшись на правый бок, я ещё полностью не осознал, где нахожусь. И даже когда осознал, всё равно не понял. Откашлялся, пытаюсь привести свою обездвиженную правую руку в состояние боевой готовности. Да какой боевой, кого я обманываю? Я просто хочу, чтобы она шевелилась. Второй посетившей меня мыслью была мысль о том, что я куда-то упал и недавно очнулся, но попытка вспомнить, где это могло произойти, не увенча-

лась успехом.

– Ну же, – прошептал я, даже не глядя по сторонам боковым зрением. Всё, что меня волновало, – это моя рука.

Маленькие шарики в моих мышцах напоминали кислородные шарики газировки, которую взболтали и открыли. Они брызгали где-то внутри моих мышц – щекотливый фонтан болевых ощущений. Но я знал: так и должно быть – это кровь поступает в онемевшие конечности. Когда боль утихла, я ещё долго лежал и ждал, когда же осмелюсь пошевелить пальцами. Несколько раз глубоко вздохнул неполной грудью. Но дышать почему-то было совсем неудобно – кислорода в воздухе было так мало. А вот запах... Он показался мне знакомым. Когда я был маленький, в сыром подъезде дома, где жила моя бабушка, пахло извёсткой и газом. Вот и сейчас я ощущал нечто подобное, плюс к этому добавлялся запах сырости... Или вот, вспомнил. Холодильник! У меня когда-то был холодильник, который долго простоял выключенным в кладовке, и от него стало так неприятно пахнуть, что пришлось от него избавиться. Именно такой запах царил сейчас у меня под носом, когда я открыл глаза в очередной раз. Честно сказать, лучше бы я их не открывал!

Но это не был сон, от которого можно было избавиться. Почему я так в этом уверен? Сон перестает быть сном – таким, как ты его понимаешь, – после того, как во сне осознаёшь, что это сон. Но когда пелена миража не проходит с глаз через час, два или три, а ты вот так сидишь и думаешь, во-

лей-неволей приходится осознать, что ты не спишь. Да и реальность иногда кажется миражом, если ты расслабляешь разум. Я напрягал мозги что есть мочи, призывая все свои силы здравого рассудка, чтобы понять, где я, почему я здесь и что вообще происходит.

Я проснулся на горе разбитых каменных блоков, будто расколотых неведомой силой и сложенных в груды камней. Мне ещё повезло, что не на торчащих шпильях арматуры! От этой мысли меня передёрнуло.

Боже мой, я словно очнулся над обломками разрушенного здания! Словно здание сложилось после сильного взрыва, а после меня кто-то положил на остатки расколотых стен. Когда я выдохнул, мой голос вибрировал и шёл каким-то прерывистым «Р-р-р». Вокруг царила ночь, и холод опоясал моё тело. Я был всего лишь в свитере поверх футболки и порванных джинсах. Кстати, где порвал их, я не помнил, но разрез шёл от колени до бедра. Кроссовки на мне были белые, с высокой подошвой на пене, очень удобные для ходьбы. Они были словно не из этого мира – слишком лёгкие, слишком мягкие и тёплые.

Я почувствовал жгучие царапины на ладонях; губы мои сжались, а нос впитал пыльный воздух. Из меня вырвался кашель – так внезапно, словно кто-то под большим напором воздуха начал выгонять из моих лёгких пыль. Кашель не прекращался, и я пытался силой остановить его. Задыхаюсь – воздуха мало, – падаю на левое колено и чувствую хо-

лод камня, на котором сижу. Воздух вокруг меня был, но какой-то чужой, не мой. Он словно не хотел впитываться моими лёгкими, отвергал меня, как будто в этом мире нет места тем, кто дышит. Похоже на приступ паники. Я помнил: если начинается приступ астмы, нужно выйти в другое помещение, даже если это помещение меньше того, в котором ты находился. Но мне и выйти-то было некуда – я стоял на горе сложенной арматуры и бетонных блоков, а чтобы спуститься и не провалиться ногой между нагроможденных друг на друга камней, необходимо внимание, которого у меня в приступе паники не было. Окончательно свалившись набок, я начал задыхаться – словно огромная незримая ладонь сжала меня в кулаке. Меня трясло от холода и беспомощности – это чувство можно было назвать «страхом и телесной мукой». В моих ушах звенело «У-у-у!», словно над моей головой работала ЛЭП. В какой-то миг мне даже показалось, что я слышу сверчков (наверное, всё же показалось). Камни словно начали затягивать меня внутрь; наяву ничего не происходило, но было такое чувство, будто они пытаются забрать меня к себе, в безысходность.

Моё тело расслабилось. Я лежал в таком положении, в каком был в материнской утробе. И почему-то враждебный холод, и камни вокруг меня в этой сплошной темноте, дали мне спокойствие через некоторое мгновение моих мук. Я почувствовал холодную слабость во всём своём теле, и мои руки стали мягкими и беспомощными. Я буквально потёк

куда-то ручейком. Чувствовал, будто я – река, которая протекает сквозь камни бурного водопада; неумолимая струя, несущаяся вниз, ещё ниже, ниже под камни... словно кто-то ждёт меня в темноте камней... и тут меня ударило, дернуло всё тело. Такое бывает, когда сильно устаёшь и быстро засыпаешь, а потом резко просыпаешься от толчка, который послал мозг, ошибочно пытаясь тебя реанимировать. Это случается тогда, когда тело внезапно сильно расслабляется, а мозг думает, что тело мертво, и посылает импульс. Возможно, здесь произошло нечто похожее – я просто захотел бороться, и одышка отступила. Ну, не то чтобы отступила – я практически перестал обращать на неё внимание. На мгновение показалось, что я слышу отдалённые голоса – как будто обрывистое эхо в длинном туннеле. Слова я не разобрал, но мне показалось, что это происходило у меня в голове. А вот в реальности воздуха по-прежнему не хватало, но к этому можно привыкнуть. Это было похоже на то, когда во сне плывёшь под водой и дышишь через воду; или когда хочешь писать, писаешь, а всё равно хочешь и продолжаешь писать. «Во сне сложно сходить в туалет, но можно помочиться в постель», – подумал я, жадно вдыхая воздух и начиная искать запах вокруг себя.

Запах газа или гнилого холодильника – он был, словно перед моим носом и тут же растворялся. Как будто ты его увидел, а он так внезапно исчез, что ты подвергаешь сомнению своё зрение. Но это было обонятельное зрение. Теперь

можно и оглядеться. Я находился посередине какой-то огороженной забором стройки. Вокруг меня стояли дома, похожие на старые сталинские библиотеки или административные здания, но в них не было окон и, казалось, людей в них тоже нет. Но почему же я всё это видел в темноте? Теперь можно сказать об источнике света: это вам не флуоресцентная лампа – это словно несколько белых прожекторов вокруг меня. Они стояли на равном расстоянии друг от друга, а расстояние от самих прожекторов до меня было не близким – наверное, два квартала, а может, и больше. Дело в том, что прожектора находились за забором, который уходил за маячившее передо мной здание, так что докуда шёл забор, я так и не понял. Факт остался фактом: позади меня – пустырь, уходящий в темноту вместе с идущим вдаль забором, а впереди – старые заброшенные здания.

Теперь пришло время подвергнуть сомнению окружающую среду. Сначала я понял, что на небе нет ни одной звезды, воздух здесь спёртый, и луны тоже нет. Только прожектора – огромные светила, чей свет поверг меня теперь в сомнения. В прожектор так не посмотришь – он въедается в глаз, заставляя зажмуриться или ослепнуть, – а эти светила почему-то не слепили. Конечно, сначала казалось, что хочется зажмуриться, но потом стало понятно, что смотреть в этот свет можно долго, было в нём что-то потустороннее. Словно это был свет из другого мира.

Я всё же сел, не спускаясь с камней. Вокруг меня был ка-

кой-то противоречивый объективный мир. Нет звёзд, нет луны, есть только круглые светила за сотни метров от забора, которые неизвестно как далеко распространяются на этом участке заброшенной стройки. За оградой нет ни одного дерева – лишь темнота и круги света, освещающие местность. Воздух здесь словно в бутылке, заткнутой пробкой и немного приоткрывающейся каждый раз, когда хочешь вдохнуть. Теперь – звук. Что можно о нём сказать?

Бросив камень, я услышал щёлкающий звук, который не отозвался эхом, а сразу всосался в воздух, словно был такой густой (не от кислорода, конечно), что звук поглощался им, как глушителем. Тогда я бросил камень за спину – так, для эксперимента и, широко открыв глаза, прислушался. Не поверил – бросил еще раз, чуть левее. А теперь смело могу сказать, что звук здесь моно, а не стерео. Зачем нам два уха? Чтобы слышать источник звука, где он прозвучал: позади, слева, справа, ещё правей? Однако здесь каждое падение камня было всего лишь падением камня, и никакого территориального отголоска в мозгу. Я слышал просто щелчок, который тут же уходил в никуда. Звук моно. В точку!

Идти никуда не хотелось – дискомфорт от холода и нехватки воздуха всё равно рано или поздно заставил бы меня спуститься, чтобы найти источник тепла. Вокруг не было ни одного жилого дома. Да и вообще, тут домов раз и обчёлся, и все без стекол, старые и давным-давно мёртвые. Мёртвые... Мне стало жутко – и зачем я только произнёс это

слово у себя в голове? Сон – да, но не смерть! Я во сне, только и всего! Но во сне можно сотворить что-нибудь, как-то повлиять на окружение, однако здесь каждый камень был просто камнем, а холод так реален, что на сон совсем не похоже. Спрыгнув с последнего камня, я услышал, как прохрустел песок под моими ногами, и опустил руку на землю. Не знаю почему, просто захотелось почувствовать своей ладонью реальность. От земли прошёл такой холод, что он вошёл в ладонь и попал прямо в сердце. Меня потрянуло так, что я упал на колени, выгнув спину и пытаюсь не трясги плечами.

– А-а-а... – простонал я и услышал свой голос, вибрировавший в мрачной темноте холодным «Р-р-р».

Теперь я чувствовал холод прямо в грудной клетке – там, где билось моё сердце. Холод был внутри меня – я сам впустил его, прикоснувшись к этой зловещей земле. Я начал прыгать на земле, растирая руки, и почему-то представил, как мороженое пытается растаять в морозильнике. Пар, который шёл из моего рта, существовал не более двух секунд. Я выпустил в ладонь самый внутренний сгусток тепла, какой только смог выдохнуть. Тепло-то я почувствовал, но вместе с тем ощутил и разницу в холоде. Согреться не получится.

Я задумался, и меня опять потянуло в темноту камней. Там не нужно сражаться за тепло – холод неумолим, но он не требует никаких действий. Постой-ка! Разве я слабак? Если я здесь – значит, в этом есть какой-то смысл. Однако холод снова сжал меня в свои ладони – я перестал двигаться,

и мой взгляд замер в одной точке. Медленно подступающий звон заволок мои уши и расслабил тело – опять туда, к прохладе камней. Сражаться бессмысленно – формула уже решена.

«Во-у-ув!» – не знаю, как передать этот звук – лай собаки в самое ухо. Отбросив звон, он вонзился в мой мозг, словно нашатырный спирт, вливаемый через уши, вместо того чтобы вдыхать его носом. Прожектора в двух кварталах от меня на миг стали ярче, словно пробились мне в середину глаза, осветив местность своим холодным светом. Лай? Кажется, я слышал лай! Моно звук на миг стал стерео, и я почувствовал, как реальность врывается в мой нереальный мир: позади меня сотни маленьких ног бежали прямо на меня, взбивая под собой песок и... Пстой-ка – прямо на меня?!

Стереозвук не обманул – звук шёл позади меня. Чёрные тени, попавшие под свет прожектора, под скоростью бега то исчезали, то появлялись на поверхности земли. Они бежали с прожекторов на стороне пустыря, и, как мне показалось, настроены они отнюдь не дружелюбно и бегут прямо на меня. Лай собак приближался, и мои ноги понесли меня сквозь холод прямо к зданию администрации. Но, подбежав к ближайшим окнам, я понял, что окна первого этажа уже наполовину в земле – собаки спокойно запрыгнут в эти окна, найдут меня по запаху, а я не хочу остаться в замкнутом пространстве рядом с клокочущими зубами!

Я обежал здание вокруг и летел, не жалея ног, в сторону

следующего. Его окна были выше уровня земли в два раза – как раз то, что нужно! Подбежать и запрыгнуть – остаётся надеяться, что двери у этого здания не исчезли, как окна! Я прекрасно понимал, что расстояние, которое я хочу преодолеть, увеличивает риск быть нагнанным собаками, поскольку они бежали быстрее меня. Я бежал вдоль поля прямо по разбитому тротуару. Мои зубы стучали от бега, а свет прожекторов стал каким-то отвлекающим. «Р-р-р!» – вибрировало у меня изо рта. Когда я пробежал половину поля по пешеходной дорожке, которая наискосок пересекала поляну, соединявшую старое здание администрации с другим зданием, похожим на Сталинскую библиотеку, то почувствовал, как собаки оказались там, где минуту назад был я! Они летели с приглушённым лаем в мою сторону, словно толпа дворовой шпаны, схватившись за палки, бежала за ребятами, случайно забредшими в их район.

Страх не позволял мне расслабиться и посмотреть назад, да и времени у меня не было. Какой сюрприз ждал меня впереди? Окна! Я ожидал, что я запрыгну в окно, схватившись руками за края подоконника, однако все окна первого этажа были закрыты ржавыми стальными решётками, которые – что ещё хуже – были заставлены и забиты то ли досками, то ли ДСП (в темноте не было понятно). Я попал в тёмную часть дома – здесь свет единственного прожектора пробивался через даль поля, которое вело в ещё один пустырь, огороженный забором. Больше зданий поблизости не было,

думать тоже времени не было. Оглянувшись, я увидел, как сотни теней бегут ко мне по тротуару, и сердце моё сжалось так, словно стало совсем маленьким. С этой стороны здания не было ни одного козырька, на который можно было бы взобраться, ни одной пристройки – лишь полоса забитых окон. Рванув вдоль короткой стены дома, я обежал его вокруг и направился к дверям. Пробежал по бетонной лестнице крыльца, услышал дыхание собак, которое уже сбилось в погоне за мной, – они рвались из-за всех сил. Я сжал широкую рукоять деревянной двери, которая оказалась, к моему счастью, целой и незапертой, словно в последний раз. Потянул рукоять на себя из-за всех сил – поддалась. Ещё до того, как полностью оказаться внутри здания, я услышал, как собаки, словно быки рогами, начали одна за другой сыпать ударами голов в дверь, которую я закрыл секунду назад. Я держал дверь, словно не давая ей открыться в обратную сторону. В голову начали заползать мысли, что одна из собак сейчас встанет на задние лапы и откроет дверь передней! Кто сказал, что такого не может быть?! В этом нереальном мире достаточно нереального, кроме реальной опасности, холода и боли! Теперь воздух стал совсем не бесплатным. В полной темноте, ещё даже не подумав, может ли быть ещё какая-нибудь опасность в старой Сталинской библиотеке, я судорожно сжимал рукоять двери, восстанавливая дыхание. За что мне всё это?

Глава 2

Не забудь меня

Шум собственного дыхания не забудется никогда! В тяжёлом моторе, где единственная валюта – это кислород, горели лёгкие. Собаки – что им нужно от меня? Нет, они бьются в дверь и заставляют меня думать о том, что я жив. Что я ещё жив, что мне нужно бороться, чтобы не быть съеденным! Я замер и ждал, пока удары в дверь прекратятся, – и они прекратились. Минут пять я прислушивался и сжимал кулаки, словно готовясь к последней схватке. В голове у меня закипала ярость: казалось, что ещё секунда внезапно затихшей опасности – и я сам открою дверь, чтобы ворваться в бой голыми кулаками. Одну-двух собак поймаю и укушу за горло, да так сильно, чтобы перед смертью забрать их с собой. Но это абсурд – банальная смерть. Сколько их там? Десять минут внезапно наступившей тишины казались мне ещё страшнее тем, что она наступила после такого шквала шума. Каждая последующая секунда заставляла сомневаться в том, что собаки вообще были! Глаза не привыкли к темноте – было абсолютно темно, ибо источники света вообще отсутствовали!

– Шумите, суки! Шумите! – со всей ярости я два раза ударил кулаком в дверь, которая ещё несколько мгновений назад защищала меня от стаи собак.

Странное чувство к неодушевлённому предмету – я почувствовал себя виноватым перед... дверью, которая так отважно выдержала натиск голодных псов! Голодные псы или псы, которые убивают ради собственного удовольствия? Подумав о том, что дверь может обидеться на мои удары и открыться этим злым собакам, и поверив в собственные мысли, я нежно погладил её, извиняясь:

– Прости меня, прости, родная... – я поцеловал холодную, покрытую лаком стенку двери. – Они там? Надо проверить, – теперь последовали мысли вслух.

Прежде, чем приоткрыть дверь, чтобы одним глазком взглянуть, есть ли там собаки, или, быть может, они ушли прочь, я услышал за своей спиной человеческий голос!

– Не стоит этого делать, – спокойно проговорил хриплый голос в темноте.

– Что? Кто это? – я вздрогнул так, что чуть не открыл дверь, чтобы убежать как можно дальше от опасности, даже в сторону другой опасности, забыв о ней в момент испуга.

– Я бы ответил тебе, если бы я знал, – раздался хриплый голос во тьме. – Поднимайся наверх! Тут очень темно, и я тебя не вижу.

– Я тебя тоже не вижу! – сказал я и двинулся в сторону голоса. Отпустил дверь, вытянул вперёд руки, хватая на ощупь тьму.

О чём я думал в этот момент, когда шёл в темноте замкнутого пространства? Я даже забыл, что боюсь темноты. Од-

ну руку держал чуть впереди себя, а другую – ближе к себе, словно в бойцовой стойке. Хоть какая-то, но боевая стойка придаёт хоть какую-то уверенность. Примерно такую же уверенность можно получить, имея при себе бейсбольную битку или какое-нибудь оружие. Скорее всего, это просто психологический защитный рефлекс, когда ты в темноте, а вокруг много того, чего ты боишься, и не знаешь, как от этого защищаться.

– Надеюсь, ты мне объяснишь, что здесь происходит? – спокойно сказал голос и громко кашлянул. Меня передёрнуло.

– Говори, чтобы я шёл на твой голос. Только не молчи, говори, а то я потеряюсь, – сказал я и почувствовал новый страх. Страх того, что голоса больше не будет, темнота не закончится, и я не упрусь руками в стену, а буду бесконечно блуждать во тьме с вытянутыми вперёд руками.

– Да здесь я, не суетись под клиентом! И так жутко!

– Вот, слышу, ты рядом, – я схватился пальцами за волосатую, очень худую руку.

– Тише, тише! Не дави так – бабу за задницу так щипать будешь! – сказал прокуренный голос уже немолодого человека с высохшим телом (это сразу было понятно – по запаху). Но руку его я не отпустил, просто менее интимно обхватил её за кисть и медленно пошёл вдоль стены, куда эта рука меня вела.

Когда мы поднялись по лестнице на второй этаж, я уви-

дел, что в коридор попадает свет от прожекторов. Моим товарищем по несчастью оказался худощавый человек в поло-сатой майке, с костлявыми руками и растрёпанными волоса-ми. Я отпустил его руку, так как теперь мог его видеть. Он шёл вдоль вытянутого коридора, потом свернул в открытую дверь. Чего мне следовало ожидать? Он даже не обернулся – видимо, не так уж и рад видеть живого человека. Вдруг я зайду, а там десять или двадцать каннибалов возле костра, готовые изжарить меня в масляной бочке?

Когда я увидел его худощавое тело в одной лишь майке, мне показалось, что я не имею право жаловаться на холод. Но он даже не дрожал, а медленно подошёл к окну и встал напротив прожектора, бывшего издалека.

– Ты быстро бегаешь – я видел, как за тобой текла чёрная река.

– Это собаки! Куча собак, и все чёрные! – по мне бежали мурашки от одного лишь воспоминания об этом.

– Я кричал тебе, как мог! – он опять кашлянул, прикрыв руками сухие губы.

– Кричал? Странно, я ничего не слышал.

– Да вот с этого самого места, – он показал руками себе под ноги. Они уже успели подняться и встать возле окна на втором этаже. – Тебя кричал, до хрипоты, только вот даже эха своего не слышал. Словно слова изо рта – и в воду.

– Отсюда я бы услышал, но я ничего не слышал.

«И правда, не слышал, – подумал я. – С этим местом действительно что-то не так. Я кидал камень – звук был совсем не тот».

– Видел только, как ты несёшься... Ай!

– Что?

– Нормально, сейчас пройдёт! – сказал худой человек в майке, и теперь при свете прожектора я увидел у него на руке татуировку – парашют и надпись, слившуюся с рукой: «ВДВ». Мужчина схватил себя рукой за подбородок, и его вытянутая челюсть судорожно открылась. – Всё. Челюсть схватило – от холода часто так. Недавно вон трясло – сейчас вроде прошло.

– Тебе холодно? – я посмотрел я на его тело: кожа да кости.

– Да пустяк, привык вроде. И не такое было! – сказал старый мужик с седыми растрёпанными волосами. Казалось, если снять с него майку, то под ней будут одни лишь рёбра. Однако было видно, что он был жилистый, хотя и худой, но сильный или, по крайней мере, волевой. Он был седой, с широкими бровями, вытянутой и широкой челюстью, но всё же выглядел как пропивший всю свою жизнь старик.

– А что было-то? И где мы? Я вот вообще ни с чем не могу связать это место.

– Что было? Верить или нет, но я не помню, но знаю, что было. А где мы – думал, ты скажешь! Я же не дурак! Похож я на дурака? Может, американцы устроили? – прохри-

пел он. – Подымить бы папироску, чтоб башка прояснилась!
Подожди... Мой внук – я отправил его в магазин.

Сейчас я начал понимать, что чувствую его запах, словно в этом запахе весь он. Я не могу рассказать что-то конкретное из его жизни, но его мироощущение чувствовалось через скользкий звук запаха. Он пах водкой, колбасой и старой залежавшейся одеждой, ещё немного потом и табаком. Запах был отчетливый и никуда не пропадал, как все остальные или этот запах газа там, на горе обломков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.